

ЦЕНА МОЛЧАНИЯ

Матильда Вареница

Цена молчания

<https://litres.ru/74412737>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Петра - это порядок, белый шум и предсказуемость. Лучший чертёжник в отделе, он теряет работу, потому что не успевает за бешеным ритмом коллег. В тот же день он находит старые бумаги, где мать сорок лет скрывала диагноз: аутизм. В СССР таких детей стирали из жизни - интернаты, «необучаемые», позор. Мать выбрала любовь, но выбрала и молчание. Теперь Петя узнаёт, что всю свою боль он носил не потому, что был «неправильным», а потому что мир не знал его языка.

С помощью психотерапии он учится понимать себя и объяснять другим. Ему предстоит заново выстроить всё: отношения, работу, место в обществе. И однажды он поймёт: вопрос не в том, сможет ли он стать «нормальным», а в том, кто на самом деле болен - человек с другим устройством сознания или общество, требующее от всех одного ритма.

Это роман о тишине, которая не пуста, и о человеке, который решает жить не вопреки, а по-своему.

Матильда Вареница

Цена молчания

Глава 1

ПЕТЯ

Сначала он видит асфальт. Всегда сначала асфальт. Трещины, стыки плитки, пятна от масла. Он знает, сколько шагов от дома до угла - сто сорок два. Проверял. Не считает сейчас, просто ноги помнят. Идут.

Наушники. В ушах - белый шум. Как море, только без воды. Ровный, тягучий, он заполняет всё, оставляя только дорогу и шаги. Хорошо.

Телефон сам оказывается в руке. Пальцы водят по экрану - карта, маршрут. Всё чисто. Можно идти. Он смотрит ещё раз. На всякий случай. Ничего не изменилось. Но он проверяет снова. Почему-то надо. Два раза. Три. Может, если не проверить, мир сдвинется, и он окажется не там, где должен.

Перекрёсток. Зелёный. Надо идти. Но он видит мусоровоз. Слышит его - ещё до того, как понимает, что слышит. Гул, лязг, рёв. Машина вот-вот повернёт. Он знает, что будет: сначала шум, потом суета, потом кто-то закричит - или засмеётся, неважно. Станет громко. Слишком.

Ждёт. Стоит. Просто стоит на краю тротуара. Свет горит зелёным. Все переходят. А он стоит. Потому что нельзя. Не сейчас.

Машина проходит. Звук уходит в сторону, тает. Пётр сглатывает. Идёт. По зебре, ровно по центру. Не быстрее, не медленнее.

На другой стороне - останавливается. Пальцы находят на-
ушники, снимают. Движение отточенное, как у робота, но
пальцы чуть дрожат. Чехол - открыть, уложить, закрыть. По-
том в карман. Потом молния. Пальцы бегут по зубцам до
конца. Щелчок. Всё.

Каждый день - так. Не потому что надо. Просто иначе
нельзя. Мир тогда становится слишком громким, и он не зна-
ет, что делать.

Воздух сырой, пахнет бензином. Пётр смотрит вперёд.
Офис. Серый, как всё. Там - стол, линейка, чертежи. Там всё
на местах. Он знает.

Делает шаг. Потом ещё. Ритм возвращается. Дышать лег-
че...

Дверь. Стеклянная, тяжёлая. Он толкает её - плечом, при-
вычно. Внутри - запах чистящего средства и тишина. Пока
тишина.

Охранник поднимает голову. Кивает. Говорит что-то.
Пётр кивает в ответ - не смотрит, просто движение, которое
все ждут. Идёт дальше.

Лестница. Ступеньки. Он не идёт - взбегаёт. Но не просто
бежит: пропускает одну ступеньку, потом ещё одну. Ритм:
шаг, пустота, шаг, пустота. Только так. Если сделать иначе,
сбиться - он почувствует, как воздух становится плотнее. По-
этому - шаг, пустота. До самого верха.

Опенспейс. Большой, открытый, со всех сторон звуки -
пока ещё тихие, далёкие. Он идёт к своему столу, не глядя

по сторонам. Только прямо. Никаких лиц, никаких приветствий. Стол - его тихое пристанище.

Ручка слева. Линейка справа. Блокнот ровно по краю. Всё на своих местах. Но он всё равно смотрит - сканирует взглядом. Ручка чуть сдвинулась? Нет, кажется. Он поправляет её - на миллиметр, не больше. Теперь правильно.

Садится. Включает компьютер. Открывает чертёж. Линии на экране - ровные, понятные. Здесь всё подчиняется правилам.

И вдруг - касание. Плечо. Чужое. Он сжимается - вся спина, плечи, даже пальцы. Резко, как от удара. Поворачивает голову. Она. Улыбается. Что-то говорит. Слова - быстрые, как вода, просачиваются сквозь его защиту.

- Привет, Петь... угрюмый... без кофе... Давай сделаю...

Она смеётся. Смех - звонкий, режущий. Пётр молчит. Он видит её рот, открывающийся и закрывающийся. Надо ответить. Надо что-то сказать.

Она уже разворачивается - лёгкая, быстрая. Бежит куда-то. За угол. Пётр открывает рот:

- Но я не пью...

Голос - сначала громкий, потом гаснет. Тонет.

- ...кофе...

Она не слышит. Уже нет. Он смотрит в пустой угол.

- ...воды бы лучше...

Тихо. Только для себя.

Офис оживает. С каждым мгновением звуков становится

ся больше. Смех - с другой стороны. Кто-то кричит в трубку. Клавиатуры - быстрые, как пулемётные очереди. Принтер - жужжит, стрекочет, выплёвывает бумагу. Шум нарастает, наваливается. Пётр чувствует, как виски начинает стягивать. Пальцы подрагивают. Дыхание сбивается.

Рука тянется к карману сама. Находит наушники. Вытаскивает - дрожащими пальцами, почти роняет. Надевает. Включает.

Белый шум.

Всё стихает. Сразу. Гул становится далёким, ровным, текучим. Пётр выдыхает - шумно, с присвистом. Плечи опускаются. Он закрывает глаза на секунду. Открывает.

Руки - на клавиатуру. Пальцы находят нужные буквы. Чертёж на экране ждёт его. Он начинает печатать. Линия за линией. Снова мир становится понятным.

Два часа. Сто двадцать минут. Семь тысяч двести секунд. Пётр не считает - просто чувствует, как время тянется, как песок, который сыпется сквозь пальцы.

Он смотрит на чертёж. Линии, цифры, допуски. Всё на своих местах. Пальцы печатают - быстро, точно, почти без участия сознания. Он знает эту деталь наизусть, вносит правки механически, почти во сне. Чёрный текст на белом фоне, курсор мигает в такт сердцу. Мигает. Мигает. Мигает.

Где-то слева засмеялись. Кто-то - громко, взхлёб. Пётр дёргается, плечи взлетают вверх. Задерживает дыхание. Ждёт, когда смех стихнет. Не стихает - переходит в разго-

вор, голоса накладываются друг на друга, как слои, и он не может разобрать слов, только звуки: баритон, сопрано, хриплый смех. Всё смешивается.

Он смотрит на часы. Маленькие, на экране. Прошло двенадцать минут. Двенадцать. Всего двенадцать. Он разжимает пальцы, снова кладёт их на клавиатуру. Печатает. Строчка за строчкой. Цифры - они не смеются. Они не спрашивают, почему он угрюмый. Они просто есть.

Офис наполняется. Входят новые люди, шаги, голоса, запах кофе из кухни. Кто-то чихает - резко, неожиданно. Пётр вздрагивает. Опять. Он ненавидит, когда вздрагивает - это видно, плечи дёргаются, голова дёргается, и если кто-то смотрит, он видит. Пётр смотрит на наушники. Лежат в чехле, на краю стола, как обещание. Но нельзя. Не сейчас. Он должен слышать. Мало ли, вдруг кто-то подойдёт. Надо отвечать. Но он же отвечает. Он всё видит. Просто не может ответить. Это другое.

Проходит ещё сорок минут. Пётр заканчивает один фрагмент, открывает следующий. Новая деталь, новый слой. Всё сложнее, но понятнее, чем люди. Люди - они непредсказуемые. Они подходят сзади, трогают плечо, говорят не то, смеются непонятно чему. А линии - они живут по правилам. Они не пересекаются там, где не должны. Они не меняются внезапно. Они ждут, пока их поправят.

Он слышит, как принтер застревает бумагой - знакомый звук, короткий, дребезжащий. Кто-то идёт разбираться. Го-

лоса, инструкции, шум. Пётр сжимает челюсть так, что скулы болят. Пальцы находят клавиатуру - он печатает быстрее, чтобы не слышать. Но шум всё равно здесь. Он внутри.

Девушка из соседнего отдела проходит мимо, цокая каблуками по ковролину. Громко. Ритмично. Цок-цок-цок. Пётр считает шаги: шестнадцать, семнадцать, восемнадцать. Потом она сворачивает в коридор, и звук затихает. Он выдыхает. Шестьдесят две минуты.

Он поднимает глаза, смотрит в окно. Там серо. Всё серо. Облака, асфальт, дома. Он смотрит на краюху окна, где капли от вчерашнего дождя оставили полосы. Пять полос. Нет, шесть. Он считает. Шесть. Всё на месте.

Кто-то звонит - издалека, из другого конца опенспейса. Резкий звонок, как удар. Пётр зажмуривается на секунду. Снова открывает глаза. Смотрит на чертёж. Деталь уже готова, но он перепроверяет. Ещё раз. Допуски, размеры, сопряжения. Всё правильно. И всё равно он проверяет. Три раза. На всякий случай.

Девяносто четыре минуты. Кто-то подходит к столу коллеги рядом - обсуждают вчерашний матч, смеются, машут руками. Пётр видит это краем глаза. Не смотрит прямо - нельзя, тогда придётся отвечать на вопросы, если заметят. Он смотрит в монитор, но всё равно видит. Слышит. Голоса, смех, движение - они текут мимо него, как вода, а он стоит на берегу, и вода поднимается всё выше.

Сто пять минут. Пот стекает по виску. Он вытирает его

ладонью, быстро, незаметно. Пальцы дрожат. Он снова смотрит на наушники. В чехле. На краю стола. Рука тянется к ним, но он останавливает её. Нельзя. Сейчас. Ещё немного.

И вдруг - она. Снова. С кружкой. Бежит, улыбается, щебечет. Два часа прошло. Она возвращается.

- Ой, прости, совсем заработалась...

Пётр не слышит остального. Он смотрит на её рот, который двигается, на руки, которые ставят кружку. Голос - он где-то далеко. В груди - напряжение. Он сглатывает. Молчит. Только вздыхает - громко, сквозь зубы. И смотрит в сторону. Не на неё.

- Ну ты если что, я тут, за соседним столом...

Она уходит. Топ-топ-топ. Пётр смотрит ей в спину. На лице - пустота. Ничего. Только вопрос, который застрял в горле. Он шепчет его почти беззвучно, одними губами, в пустоту, которая осталась после неё:

- А что не так-то?

Никто не отвечает. Он поворачивается к экрану. Пальцы находят клавиши. Начинает печатать. Снова. Строчка за строчкой. Но внутри - гул. Два часа - это долго. Два часа без тишины. Он почти не помнит, как выглядел чертёж в начале. Только чувствует, как гудит голова, как ноют глаза, как пальцы сами нажимают клавиши - механически, как заводной.

Он слышит начальника сквозь шум. Голос пробивается - как игла сквозь ткань, как свет в трещине. Громкий, привыкший к тому, что его слушают. Пётр узнаёт его сразу - инто-

нацию, ритм, напряжение в конце фразы, которое не сулит ничего хорошего.

Пальцы замирают над клавиатурой. Он смотрит на экран, но уже не видит чертёж. Только слышит -голос, который зовёт его по полному имени. Пётр. Не Петя. Когда так -значит, серьёзно. Значит, сейчас скажут что-то важное. Он не знает, что именно, но чувствует внутри -там, где дыхание, -как что-то сжимается.

Руки отрываются от клавиатуры. Сначала одна, потом другая. Он кладёт их на подлокотники кресла -ровно, как в инструкции. Отодвигает кресло от стола -колёсики шуршат по ковровину, коротко, сухо. Встаёт. Не торопясь. Медленно. Размеренно. Шаг за шагом. Если ускориться -споткнётся. Упадёт. Все увидят. Он идёт к кабинету, считая про себя: раз, два, три... до двери -девять шагов. Всегда девять.

Открывает дверь. Входит.

Кабинет. Много всего. Слишком много. На стенах -плакаты с нормативами, сертификаты в рамках, календарь с цифрами, обведёнными красным. В углу -стойка с папками, аккуратная стопка, но она высокая, почти до потолка. Пётр смотрит на неё и чувствует, как давит в груди. Она может рухнуть. В любой момент. Он отводит взгляд.

Стол начальника -массивный, чёрный, как гранит. Два монитора, стопка распечаток, чашка с остывшим кофе -на поверхности плёнка, он видит её, когда проходит мимо. Ручка с логотипом компании лежит на стопке бумаг. Рядом -

фотография в рамке. Начальник с семьёй на даче: улыбаются, все, будто доказывают, что умеют быть не только строгими. Пётр смотрит на фотографию и не понимает. Зачем это здесь? Зачем показывать, что у тебя есть жизнь за дверью? Он не спрашивает. Он садится.

Стул у окна. Жёсткий, неудобный. Пётр садится на самый край -так, чтобы занимать как можно меньше места. Руки между коленями, пальцы сплетены. Спина прямая, но он чувствует, как она зажата, как напряжены плечи. Он сидит на краю -может встать в любой момент. Не для того, чтобы уйти. Просто чтобы быть готовым.

За окном -гул города. Ровный, непрерывный, как дыхание. Он не резкий, но он всегда здесь, под всем остальным. Кондиционер гудит тихо, на одной ноте -назойливо, монотонно. И через дверь -шум опенспейса: чей-то смех, телефонный звонок, скрип стула. Всё смешивается в один общий гул. Пётр смотрит в пол. На стык линолеума и плинтуса. Там щель. Маленькая. Он смотрит на неё, чтобы не смотреть на начальника.

Начальник сидит напротив. Седой, усталый. Глаза -добрые, но в них что-то тяжёлое. Он сжимает бумагу -служебную записку. Держит её перед собой, как документ, который нельзя игнорировать. Он чуть наклоняется вперёд, и Пётр видит его руки -крупные, с венами, он не хочет этого разговора. Это видно. Пётр знает этот взгляд. Когда тебе хотят сказать что-то плохое, но пытаются сделать это мягко. Это

всегда мягко. А потом больно.

-Петя, я позвал тебя не потому, что ты плохо работаешь. Ты делаешь чертежи лучше всех. К ним не бывает замечаний. Это правда.

Пётр кивает. Не поднимает глаз. Пальцы сжаты сильнее. Он знает, что дальше будет что-то другое. Сначала хорошее, потом... Он ждёт.

-Но сейчас проект стоит. Не из-за твоих ошибок. Команда не может с тобой синхронизироваться. Вчера нужно было за пятнадцать минут согласовать узел. Тебя спрашивали в чате, потом подходили лично. Ты не ответил. Не потому что не хотел, я понимаю. А потому что для тебя такой формат -как пытаться дышать под водой.

Пальцы белеют. Сжаты до боли. До хруста в костяшках. Он слышит, как начальник говорит, и каждое слово -как удар. Не злой, нет. Просто точный. Он говорит правду. И от этого ещё больнее. Пётр сглатывает. Смотрит на щель в полу. Считает стыки линолеума. Раз, два, три. Ничего не отвечает. Он просто ждёт.

Он уже знает. Дальше будет ещё.

Он не понимает. Не сразу. Слова доходят медленно, как сквозь вату, как через воду, в которой он пытается дышать.

Пётр поднимает голову. Смотрит на начальника. Тот сидит напротив, сжав бумагу в руках, и глаза у него усталые, но твёрдые. Говорит что-то о том, что проект стоит, что команда не может, что он искал варианты. Пётр слышит слова, но

они не складываются в смысл. Они просто звучат. Гул. Ещё один слой шума.

Он открывает рот. Сначала -ничего. Потом выталкивает, через силу:

-Я не понял, что это срочно. Там было три сообщения подряд. Потом кто-то подошёл и сразу начал говорить. Я... я не успеваю.

Голос ломается в конце. Пётр сглатывает, пытается удерживать его ровным, но не получается. Он смотрит на начальника -и видит, как тот кивает, будто подтверждая что-то про себя, что-то, что уже знал, что уже решил.

-Вот именно. И проблема не в тебе, Петя. Проблема в том, что у нас сейчас такой ритм: короткие стыки, быстрые решения, постоянная подстройка. А тебе нужно время. Чёткие формулировки. Предсказуемость. Это не плохо. Это просто не то, что сейчас нужно проекту.

Начальник делает паузу. Смотрит на фотографию на столе -там улыбаются люди, которых Пётр никогда не видел. Начальник смотрит на них, будто ищет опору. Потом снова на Петра.

-Я искал варианты. Думал про отдельный трек задач, про куратора, про письменные инструкции. Даже ходил к HR, спрашивал, можно ли как-то адаптировать процесс. Но сроки сейчас такие, что любая задержка в коммуникации -это риск для всей цепочки.

Пётр молчит. Не спорит. Не может. Он просто сидит и

ждёт. Потому что внутри уже знает. Он знал с того момента, как услышал своё полное имя. Знал, когда подходил к двери, считая шаги. Знал, когда садился на этот стул, на самый край.

Начальник сглатывает. Голос у него дрожит. Совсем чуть-чуть, но Пётр слышит. Он всегда слышит, когда голос меняется. Это как трещина в стекле.

-Я должен тебя уволить, Петя. Не потому, что ты слабый. Ты сильный, ты очень сильный специалист. Но сейчас мне нужно, чтобы работа шла без остановок. И я не могу рисковать проектом.

Тишина. Густая. Тяжёлая. Пётр чувствует её кожей, она давит на плечи, на грудь. Кондиционер гудит, ровно, монотонно. Из-за двери доносится смех -чей-то, чужой. Звонок телефона. Скрип стула. А внутри -пустота. Там, где должно быть что-то, -ничего. Только белый шум, который не убирают наушники, потому что он всегда с ним.

Где-то в коридоре хлопает дверь. Звук -резкий, как удар. Пётр вздрагивает -всем телом, плечи дёргаются, голова дёргается. Он заставляет себя сидеть ровно. Прямо. Не показывать. Но руки уже дрожат, спрятанные между коленями, сцепленные в замок, и пальцы белые, как бумага.

Он смотрит на стол. На приказ, который начальник положил перед собой. Белый лист. Чёрные буквы. Официально. Сухо. Пётр смотрит на него и не может прочитать. Он видит только пятна, линии, буквы, которые расплываются.

-А если я буду писать ответы заранее? -тихо, почти шёпотом. -Или... или пусть мне ставят задачи только утром, и я буду делать их весь день. Без внезапных.

Голос -чужой. Он сам его не узнаёт. Тонкий, детский, умоляющий. Он ненавидит этот голос. Но не может его остановить. Слова вылетают сами, как будто внутри кто-то другой, кто ещё надеется.

Начальник качает головой. Мягко. Спокойно. Но твёрдо.

-Если бы это работало, Петя, я бы прямо сейчас так и сделал. Но у нас не бывает «только утром». Бывает «прямо сейчас». А ты не можешь «прямо сейчас». И это не твоя вина.

Пётр опускает голову. Он не чувствует стыда -стыд слишком громкий, а сейчас тихо. Просто некуда смотреть. Взгляд блуждает по полу, по стыкам линолеума, по щели у плинтуса. Он смотрит на всё это и считает, механически, чтобы не упасть. Раз, два, три...

-Я дам тебе хорошие рекомендации, -продолжает начальник, и голос у него мягче, почти извиняющийся. -И помогу с поиском места, где ритм будет другим. Где ценят точность и не требуют быстрой импровизации. Тебе нужен другой формат, Петя. Не хуже, не лучше -другой.

Он протягивает лист. Кладёт на стол, ближе к Петру. Пётр видит бумагу. Смотрит на неё, не поднимая глаз. Она лежит на столе, как приговор. Но начальник кладёт её так, будто это не приказ. Будто извинение. Пётр знает, что это не извинение. Это конец.

-Прости. Мне правда жаль.

Пётр медленно протягивает руку. Пальцы берут лист. Они дрожат -он видит это. Смотрит на свои руки, которые держат бумагу, и не узнаёт их. Они чужие. Они трясутся. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы было видно -он не спокоен. Он просто держится. Он складывает лист пополам. Аккуратно. Ровно. По линии. Так, как делает всё, когда мир становится слишком громким.

Он слышит, как начальник что-то говорит. Голос доносится издалека, как сквозь воду.

-Может... ты не думал сходить к специалисту? Я напишу номер. Валерий Павлович, очень хороший доктор. Правда, если надумаешь, позвони ему, ладно?

Пётр не поднимает глаз. Шепчет, почти беззвучно, одними губами:

-Я всё понял.

Он встаёт. Медленно, как будто поднимается со дна. Делает шаг к двери. Потом останавливается. Оборачивается на полшага -будто хочет что-то добавить. Что-то важное. Что-то, что объяснит всё. Что-то, что заставит начальника передумать. Но слов нет. Есть только шум. Гул. Он заполняет голову, как вода заполняет лёгкие. Он пытается найти слова, которые удержатся в этом шуме, -но их нет.

Он открывает дверь. Выходит. Закрывает за собой.

В коридоре шум. Люди. Голоса. Смех. Он идёт, не глядя по сторонам. В руках -лист бумаги, сложенный пополам. Он

сжимает его, но не слишком сильно, чтобы не помять. Потому что порядок. Даже когда всё рушится -порядок остаётся. Это единственное, что он умеет.

Пётр идёт. Шаг за шагом. Ноги двигаются сами, механически. Он не смотрит по сторонам -только прямо перед собой. Но мир вокруг теряет чёткость. Края предметов расплываются, лица становятся пятнами, звуки -эхом. Он слышит собственное дыхание -прерывистое, слишком частое. И гул. Гул, который не даёт дышать.

Рука сжимает лист бумаги -сложенный пополам, аккуратный, ровный. Он чувствует его края, ощущает бумагу пальцами, и это единственное, что остаётся реальным. Всё остальное -туман. Он считает шаги. Раз, два, три... До своего стола -сорок семь шагов. Он знает, потому что считал раньше. Сейчас он считает снова, чтобы не упасть.

Сорок первый. Сорок второй. Кто-то проходит мимо, задевая плечом, -Пётр вздрагивает, но не останавливается. Сорок третий. Сорок четвёртый. Он почти дошёл.

Сорок седьмой. Он у стола.

Пётр стоит неподвижно. Смотрит на свои вещи. Всё на местах: ручка слева, линейка справа, блокнот ровно по краю. Всё как всегда. Всё по порядку. Но внутри -пустота. Он не знает, что делать. Он знает только одно: надо собрать вещи. Надо убрать их в сумку. По порядку. Сначала чехол для наушников. Он берёт его -твёрдый, с мягкой подкладкой -и кладёт в сумку. Потом линейку. Потом блокнот -тот, в ко-

тором он записывал только свои задачи, только понятное, только то, что можно объяснить цифрами и датами. Всё по порядку. Если делать по порядку, мир не рассыпается. Но он уже рассыпался. Пётр продолжает собирать.

Рядом кто-то останавливается. Пётр не поднимает глаз, пока не заканчивает -кладёт последнюю вещь, закрывает сумку. Только тогда поднимает голову.

Коллега. Молодой, с растерянным лицом. Он смотрит на сумку, на пустой стол, на Петра. И спрашивает, неуверенно, будто уже знает ответ:

-Петя? Ты куда?

Пётр смотрит на него. Прямо. Тяжело. Взгляд -как у человека, который не понимает, где находится и как здесь оказался. Он открывает рот, и слова выходят ровные, без эмоций, как будто он читает с листа:

-Меня уволили. Потому что я не мог ответить вовремя.

Коллега теряется. Моргает, открывает рот, закрывает. Не знает, что сказать. Его лицо -испуганное, виноватое -мелькает перед глазами Петра, но Пётр не видит. Он смотрит сквозь.

-Слушай... Прости. Мы не... мы не хотели, чтобы так вышло.

Пётр кивает. Одно движение головы -короткое, безжизненное. Не потому что ему легче, а потому что кивок -это понятный жест. Он не требует слов, не требует объяснений. Пётр делает этот жест, потому что не знает, что ещё можно

сделать.

Он закрывает ящик стола. Тот щёлкает -громко, резко, как выстрел. В тишине, которая вдруг повисла вокруг, этот звук кажется оглушительным. Пётр вздрагивает. Плечи дёргаются. Он чувствует, как сердце пропускает удар.

Он берёт сумку. Перекидывает через плечо. И идёт. Не оглядываясь.

Коридор. Шум. Люди. Гул. Пётр идёт к выходу, и каждый шаг -как преодоление. Сумка тяжелая на плече, в руке -лист бумаги, сложенный пополам. Он не знает, куда идёт. Просто идёт. Выходит из здания. Дверь открывается -и город накрывает его с головой.

Пётр останавливается на ступеньках. Смотрит на серое небо. Делает вдох -глубокий, шумный. Воздух пахнет бензином и мокрым асфальтом. Гудит. Везде гудит. В голове -гул, который не стихает.

Он достаёт наушники из кармана. Трясущимися пальцами надевает их. Включает белый шум. И мир становится чуть тише. Чуть выносимее.

Он идёт. Шаг за шагом. Не знает куда. Просто ставит одну ногу перед другой.

Ритм возвращается. Шаг -раз, шаг -два. Он смотрит на асфальт, на стыки плитки, на трещины. Считает. Раз, два, три. Всё по порядку.

День заканчивается, кажется, заканчивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.